

Радзинский Эдвард

б. ч. 00г.

Ведущая полоса Элина НИКОЛАЕВА  
Тел. 256-95-31, факс 259-46-39

Моя коллегиня Элина — б. ч. 00г.



Его включили в изданную в Кембридже энциклопедию "Выдающиеся писатели XX столетия". Рецензии на его последнюю книгу о Распутине ведущие английские газеты опубликовали на первых полосах. Сейчас он задумал писать два больших опуса: "Разговор Шатобриана, маркиза де Сада и Бомарше" и сагу о российской жизни. Поэтому Радзинский покидает ТВ. Это, наверное, последнее его интервью в качестве телеведущего.

**ТВ**-версия — упрощенный вариант вашего писательства?  
— ТВ-версия — это я в предлагаемых обстоятельствах. Когда я пишу, то должен стать персонажем, а на ТВ я наблюдатель. В книге я должен быть то Грозным, то Казановой, то Наполеоном, то Сталиным. На ТВ я просто окунаюсь в то время, о котором рассказываю, я — свидетель. ТВ и писательство — совершенно разные вещи. Но в последнее время ТВ стало забирать чуть больше времени. Я сделаю еще несколько программ и на этом закончу. На ТВ сюжет по мысли становится крайне простым, это должно быть интересно всем: и тем, кто досконально знает историю, и кто вообще ничего не знает. К примеру, когда я говорю о Нероне и Сенеке, то размышляю об интеллигенции, ее вечной склонности внутренне служить диктатору, ее вечной надежде, что деспота можно накормить уступками и перевести его на свою сторону. И в передаче о Сталине я говорю не о Сталине, а о нас с вами.

# ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ:

# Я НИ С КЕМ



— Так и должно быть. Ошибки бывают, конечно. У меня нет научного редактора, потому что сейчас многие издательства их просто не держат. Нужно быстрее выпускаться, и здесь не до досконального прочтения материала ученым-специалистом. Я не знаю ни одного современного историка, которого можно было бы читать. Я читаю Грекова, Карамзина. Именно наивный Карамзин высказывал замечательные мысли о русской истории. А сейчас историки заняты только частным. И когда мне говорят, что на 800 страницах я допустил 12 ошибок — пусть. Я не рассказываю про историю, я занимаюсь процессом жизни.

— Тем не менее создается впечатление, что вы восхищаетесь Сталиным.  
— Это потому, что люди ждут разоблачения, они забыли, что говорил поэт: "Добру и злу внимаю равнодушно". Люди мыслят стереотипами, что печально. От меня ждут: вы с кем, мастера культуры? А я ни с кем, я сам по себе.  
— Если бы вы издали книгу о Сталине в конце 80-х, вас бы протом несколько лет носили на руках...  
— Когда в 94-м была презентация этой книги, была тьма народу, и даже вызывали ОМОН. В 89-м году я предложил "Огоньку" статью на эту тему, но Коротич ее не напечатал, потому что тогда нужно было Сталина разоблачать, а не понимать. И тогда я предложил статью о расстреле царской семьи в Екатеринбурге. Вот это напечатали.  
— Насколько для вас важна конъюнктура? Когда вы пишете, вы имеете в виду прежде всего западного читателя?  
— Ничего подобного. До меня на Западе провалилось множество книг о Распутине. Моя книга стала супер-читаема. В 92-м году я объявил, что буду писать о Сталине, хотя тема была уже затерта, общеизвестна и скучна. Тогда мне позвонили с ТВ и сказали: это будет книга для старушек, вы зря потеряете время. На Западе тоже не принимали эту идею — там о Сталине давно все уже знали. Так что я книгу писал не для Запада, а знал, что здесь она будет очень нужна. Распутин тоже был абсолютно неинтересен тогда, а сейчас он дает ответы на многие вопросы, он интересен как причина гражданской войны. Более того, 1916 год необычайно похож на 99-й. Все сходится в мелочах.  
— Но Путин — это уже новый поворот истории?  
— Да, история повернулась. В 16-м году Россия была на распутье, и царь не отвечал на вызов общества. К власти в феврале 17-го пришел уродливый капитализм, который ее не удержал, потому что не понимал главного условия управления страной: не добиваться огромных прибылей, а делиться.  
— Вы считаете себя историком?  
— Нет, я писатель, который в силу своего исторического образования размышляет об истории.  
— Как вы относитесь к историкам, которые постоянно упрекают вас за фактические ошибки?

— У вас хорошие связи среди архивистов?  
— Никаких связей. Я нашел телеграмму Ленина о Николае в архиве, просмотрев до этого около 300 документов. А тут вдруг взял и открыл на этом письме. Я читаю книги стеллажами. И память у меня, как ксерокс, абсолютная.  
— На ТВ вы немножко актерствуете?  
— Иногда меня в этом упрекают. Просто люди не понимают, что я часто должен форсировать ритм. Рассказать в 40 минут историю по 40 минут истории Наполеона невозможно, поэтому я беру бешеный темп. Мне нужен темперамент, я начинаю себя подгонять. Я часто не в тех местах смеюсь, потому что уже понимаю, в чем здесь юмор, а рассказываю о предыдущих событиях. Я бегу впереди себя. Отсюда бешеная усталость по окончании, потому что все идет от души.  
— Вы себя считаете просветителем?  
— Я не ставлю себе задачу просвещать других, я стараюсь просвещать себя. При этом у моей программы большой рейтинг, иначе меня бы не поставили в 20.00 на ОРТ.  
— Но многие относятся к вашим программам как к суррогату, где не сама история, а лишь ее интерпретация в вашем исполнении.  
— Если это кому-то помогает жить, то пусть так говорят. Но кто-то должен это делать. Это востребовано. После моих программ возникают вопросы у самой разной аудитории.  
— У "Поля чудес" тоже большой рейтинг...  
— У нас разная аудитория. У людей, которые меня смотрят — а это вся интеллигенция, вся провинция, — у них нет времени на "Поле чудес". У меня нет народа, у меня есть отдельные писем я получаю от 13–15-летних. Они потрясающе пишут. Это не те, кто слушает попу. Я никогда не был внутри общего собрания. И эти мальчики точно такие же. Их рассуждения для меня важнее всего. Они меня понимают. Я не занимаюсь популяризацией истории, я ставлю вопросы. Я хочу, чтобы люди стали свидетелями той эпохи, о которой я говорю. Интересны не факты: их любой читатель найдет в книгах. Интересны даже не мои умозаключения. Главное, что мои телезрители со мной там, в том времени. Беру туда с собой тех, кто мне верит.  
Александр МЕЛЬМАН.

47